

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ВТОРАЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925 Г. — ПЕТЕРБУРГ**

РАССКАЗЫ ИЗ ИСЭ

«ИСЭ МОНОГАТАРИ»

Среди богатейшей сокровищницы японской художественной литературы яркими огоньками сияют гранёные самоцветы, ожерелье которых составляет то, что в истории японской литературы фигурирует под наименованием «рассказов из Исэ» — «Исэ-моногатари».

Велика слава и обаяние этого или этих произведений. После знаменитого романа Мурасаки «Гендзи, блистательный принц», единодержавно царствующего над всей японской литературой, «рассказы из Исэ» стоят в ряду тех, что идут вслед за ним. Если обратиться к прошлому японской литературы, если взглянуть на неё и сейчас, сразу можно увидеть всю силу этого обаяния, и при этом на всех, на людей совершенно различных по вкусам, по интересам, по направлению своего ума и воли, не говоря уже о людях разных эпох. «Исэ-моногатари» изучали и поэты, стремились научиться искусству у автора или насладиться прелестью его творчества; и ученые-филологи, стремящиеся установить путем анализа языка и слога, этих рассказов законы и образцы изящной речи. Читали их и люди, любящие окунуться в глубокую и милую старину, жаждущие почувствовать аромат давно ушедшей эпохи, когда так своеобразна, так дельна была культура, и, наконец, читали и читают их влюбленные, занятые любовною игрою, — с тем, чтобы изощрить на чтении «рассказов из Исэ» свои любовные эмоции, их утончить. Все находили в них то, что им хотелось... Разве только скучные и придирчивые моралисты, каких не мало было в Японии, особенно с тех пор, как глас Конфунция стал звучать в ней «категорическим императивом», разве они только чурались таких легкомысленных произведений.

Неизвестен автор этих рассказов. Как будто можно считать уже решенным, что принадлежат они первой половине X века нашей эры, — и больше ничего. Однако традиция, не менее твердая, чем изыскания ученых, говорит о некоем придворном кавалере, почти принце по званию и происхождению и выдающемся поэте тех времен — Аривара-но-Нарихира. Во-первых, потому, что к нему — этому признанному ловеласу — предание относит многое из того, о чем повествуют и «рассказы». Во-вторых же потому, что из рассыпанных повсюду, по всем рассказам стихотворений, — многие принадлежат ему бесспорно.

Все произведение составлено из ста двадцати пяти самостоятельных отрывков, из которых часть рисует какой-нибудь эпизод из жизни «кавалера или дамы», часть же просто передает в коротких словах какую-нибудь причудливую эмоцию, в большинстве случаев любовного содержания, при чем везде и всюду центральным местом является коротенькое стихотворение в пять строк, — известная японская «танка». Очень часто прозаическая часть отрывка кажется только примечанием — вступитель-

ным или вставным к стихам. Отсюда нередки те, кто считает «Иса-моногатари» не сборником рассказов, но просто собранием стихотворений, снабженных пояснительными ремарками, долженствующими своими указаниями—как, где, при каких условиях и почему данное стихотворение было написано—облегчить его понимание, дать возможность глубже почувствовать его часто скрытый смысл или намёк.

Время происхождения этих рассказов—век Хэйан «эпоха мира и покоя»; так по названию и почти так и по существу. Эпоха укрепления и распространения основ мирной гражданской культуры. Позади—период родового быта, начатков всей культуры; период передвижений, переселений, оседаний, племенного и культурного самоопределения, достаточно грубой и варварский; период, в свои последние столетия уже начавший давать жизнь и исконным плодам японской культуры, создавший уже незабываемые, вечные с тех пор, памятники мифотворчества и поэзии. Впереди бури и грозы феодализма, период «воинской» культуры, когда оформилось и зацвело пыльным цветом японское рыцарство—культура воинского духа,—сопровождаемый при этом упадком в области материальной жизни и в сфере ее художественных сторон.

Таковы грани; посредине—эпоха, когда социальные бури еще не тревожили страну, живущую под нераздельной властью государей, властью столько же гражданской, сколько и священнической: апофеоз и завершение родового строя в известном теократизме.

И тут же рядом влияние Китая с его цветущей культурой. Установившиеся и развивавшиеся сношения, как официальные, так и общего характера, поездки туда японцев—учиться, сюда китайцев—учить, привели к тому, что в японскую культуру прочным элементом вошел китаизм, отныне ставший одним из краеугольных камней всего ее многоцветного здания. Китаизм—в своей яркой, художественной форме—с своей поэзией, искусством, тонкой и красивой организацией внешнего жизненного быта. Тонкость, изящество, стремление к красоте, путь внешней, не глубокой часто, вот что вошло с ним вместе в Японию, и сразу отозвалось повсюду: и в литературе, и в жизненном укладе. Всё, начиная с церемониала при дворе, организации государственного аппарата и кончая нравами уютных салонов, прониклось отзвуками Китая. В литературе же все это нашло уже сложившееся настроение, уже стремившееся к утонченности и красоте и ждущее только искусства отделки; китаизм в этом совпал с исконным свойством японской художественной души.

Конечно, в ближайшем смысле все это затронуло лишь верхи, двор императора, включая сюда всю родовую и чиновную аристократию. Масса оставалась большей частью вне этой художественной струи.

Приводимые ниже эпизоды взяты почти наудачу из тех ста двадцати пяти которые составляют всё произведение. Отчасти я руководился стремлением подобрать рассказы, иллюстрирующие одну какую-нибудь основную тему-эмоцию в ее модификациях, показать разработку одного какого-нибудь основного мотива. Однако, в этом смысле все «Иса-моногатари», или его подавляющая часть такая именно разработка одной темы, и подбирать—значило бы помещать почти все. Поэтому никакого особенно строгого выбора и производить не стал, надеясь, что и из того, что следует ниже, читатель уяснит себе и содержание и форму этого памятника японской литературы, тем более, что в переводе мною не делалось никаких отступлений от японского текста, как в смысле образов и выражений, так и в отношении ритма и порядка.

Могут вызвать некоторое недоумение слова «кавалер и дама», которые ным покажутся, пожалуй, неуместными при передаче японского текста X столетия. Действительно, здесь вольность: в тексте стоит просто: «мужчина и женщина». Однако передать именно так, мне представлялось непростительной вольностью. О ком речь идет в рассказах? О кавалере при дворе, о даме-фрейлине, статс-даме, или же, во всяком случае,—даме из придворного круга. Герои эпизодов и по положению, рангу своему не кто иные, как «кавалеры» или «дамы»,—и по своим словам, действиям и чувствам, по внутреннему и внешнему своему стилю—а это главное—иначе названы быть не могут.

Японская «танка», стихотворение в 31 слог (строфа из пяти строк в порядке: 5—7—5—7—7 слогов) передано ниже в форме, требующей некоторого объяснения: Даю для объяснения оригинал и свой перевод:

Tsuki ya aranu	Луна!... Иль нет её?
Naru ya mukashi no	Весна... Иль это все не та же,
Naru naranu.	Не прежняя весна?
Waga mi hitotsu wa	И только я один,—
Moto no mi ni shite...	Все тот же, что я раньше, но...

Передо мною был выбор: перевести «танка» свободным русским стихотворением, или же передать размером оригинала, т. е. расположить все содержание искусственно в 31 слог.

И от того, и от другого я отказался: первое повело бы к перемену японской темы на русский лад, второе — для европейского стиха чрезвычайно искусственно, и непригодно. Попытки немцев ¹⁾ в этом направлении ни к чему хорошему не привели. Поэтому я избрал третий путь: переложить стихотворение на русский язык так, чтобы при этом сохранить подлинную *верность образов*, во всей их полноте, а во вторых — удержать *порядок этих образов* в его существенных моментах (не столь грамматический — не всегда существенный, сколь стилистический — основной) при непрременном соблюдении и в первом, и во втором случае одного условия: не выходить за рамки японского текста и той картины, которая за ним кроется.

Н. К.

1.

Во времена давние в западном флигеле того дворца, в котором пребывала императрица — мать, жила одна дама. Ее навещал, не относясь сначала к этому серьезно, некий кавалер, и чувство его стало в результате неожиданно глубоким.

Но вот, в десятых числах луны первой — дама куда-то скрылась в другое место.

Узнал в конце концов про то, где находилась эта дама, но место было для посещения запретным, отчего и в горьких думах проводил все дни наш кавалер.

На следующий год в том же январе, когда слывы были в полном цвету, всплыли у него воспоминанья года уж минувшего, и пришел наш кавалер вновь к тому же флигелю дворца. Взглянул так, взглянул иначе — не похоже никак на то, что было в прошлом здесь году. Слезы полились, склонился на простые доски деревянной галереи кавалер и пробыл так до той поры, как месяц стал уж заходить. В тоске любовной о минувшем кавалер сложил:

¹⁾ Ср. переводы Hauser'a — в издании „Die Fruchtschale, R. Piper & Co, München und Leipzig.

«Луна... Иль нет ее?
Весна... Иль это все не та же,
 Не прежняя весна?
И только я один,
Все тот же, что и раньше, но»...

Так сказал он, — и когда уже забрежжил свет, в слезах домой вернулся.

[Иса, IV].

II.

Во времена давние кавалер как-то попал в провинцию Миц Митиноку. Жившей там даме гость из столицы редкостным что ли показался, только она сильно им увлеклась. И вот эта дама:

«Не лучше ли, чем
Умирать от любви,
Парою дружной стать
Червячков шелковичных,
Хоть на миг краткий?»

Стихи ее, и ош даже отдавали деревней. Но все же — сжалился что ли кавалер — но только пошел к ней и провел с ней ночь. Еще глубокой ночью собрался он уходить, а дама...

«Вот настанет рассвет,
Брошу тебя я лице,
Гадкий петух!
Слишком рано зашел и увел
Дружка милого».

Так проговорила она, а кавалер собиравсь уж ехать в столицу:

«Если б сосна в Анева
На равнине Курихара
Была б человеком,
Как редкостный подарок
С собой в столицу я б позвал»¹⁾.

Так сказал, — и дама обрадовавшись все говорила: «он любил меня, любил!»

[Иса, XIII].

¹⁾ Смысл приведенного стихотворения иносказателен: кавалер хочет сказать, что если бы дама была красива и интересна, он с удовольствием хотел бы взять ее с собой, но на самом деле это не так: она настолько же красива, насколько сосна в местности Анева является человеком. Дама же, как это видно из последующей фразы, поняла иначе: ей показалось, что он хочет сказать, будто бы он горячо желает взять ее с собою, настолько она ему понравилась, но только это объективно невозможно, так же, как сосне сделаться человеком.

III.

Во времена давние кавалер, познакомившись с дамой, жившей в Ямато, стал ее навещать. Немного спустя, так как был он придворным, должен вернуться был он ко двору, и вот по дороге, месяц был март, красивую ветку красного клена сломив, по адресу дамы с дороги вместе с приветом:

«Для тебя, о друг милый,
Рукою моею сломленная ветка,
Несмотря на весну,
Стала таким
Красным кленом осенним...»

Послал... и ответ был принесен ему уже тогда, как прибыл он в столицу:

«Когда же уснет
В полной красе бывший цвет
Исчезнуть совсем?
В твоей стороне, милый друг,
Не весна, значит, больше...»

[Иса, XIX].

IV.

Во времена давние — любовь одна почему-то прервалась, но все же от дамы — не забывала, что ль, она — пришли стихи:

«Хоть и горько мне,
Но все ж тебя
Забывать я не могу!
И ненавижу я
И все ж люблю!»

Так сказала она, а кавалер: — «ах, вот как!» — подумав, сложил:

«Свиданий? — Их нет.
Всё ж одно наши души!
Как струи в реке,
Что островком разделены,
За ним — опять одно...»

Хоть так и сказал он, но в ту же ночь отправился и лег с ней на ложе. И говоря о минувшем, о том, что грядет, кавалер:

«Если б долгая ночь
Осенью была длинна,
Как тысяча долгих ночей,
Пусть восемь их будет, и все ж
Буду ли я насыщен?»

А дама в ответ:

«Пусть долгая ночь
Осенью и будет длинна.
Как тысяча долгих почей,
Не останется разве, что нам говорить,
Когда птички уже запоют?»

И с большей любовью, чем прежде, стал к ней ходить кавалер.
(Иса, XXI).

V.

Во времена давние дети двух семей, проживавших в провинции, выходили играть у колодца. Взрослыми став, и он, и она стеснялись друг друга, но кавалер: «ее лишь одну возьму себе в жены!»... все помышлял, а дама: «его одного» все в мыслях имела и родительских планов о браке с другим не слушала вовсе. И вот от этого кавалера, жившего рядом, пришли стихи:

«У трубы колодца,
Колодезной трубы, мы меряли
Свой рост, ты помнишь?
С той поры подрос
За время я разлуки...»

А дама в ответ:

«Волосы те, что когда-то
С тобою меряли мы,
Уже ниже плеч...
И если не ты, о друг милый,
Кому же их приласкать?»

Так говорили и говорили они, и, в конце концов, стало так, как они хотели.

Но вот прошли годы, и родителей дамы не стало, не стало и поддержки для них. «Вдвоем сидеть на месте, — вряд ли будет толк какой!» подумал кавалер и в провинцию Коти, в уезд Такаюсу стал ездить по делам. И там поспела связь с другой...

Однако та, прежняя его дама все время отпускала его, не подавая вида даже, что ей неприятно это, и кавалер, заподозрев: «не оттого ли это так, что есть у ней шиш на сердце?» сделал вид, что едет опять в ту Коти, сам же в садике пред домом спрятался. И видит: дама эта, тщательно весь туалет свой совершив, — в мечтательном раздумьи...

«Ветер повеет
И встают светлые волны
На взморье, — о, гора Тацута! —
Не в полночь ли милый
Один идет чрез тебя?»

Строфы он услышал и безгранично милой ему она стала, так что и в Коти перестал он часто наезжать.

И вот, как-то редким случаем заехал он в Такаюсу и видит: она, та самая, что в начале такой достойною казалась, теперь — небрежная, волосы скрутив вверху на затылке, с лицом длиннее ставшим ¹⁾, собственной рукою ложку взяв, ею наполняет миску для еды. Увидел он, и сердцу противно стало; перестал ходить совсем.

Она же, глядя в сторону Ямато —

«В сторону твою, о мильнй,
Смотрю я неустанно...
Икома — гора! ²⁾,
Вы, облака, не прячьте
Ее, хоть лил бы дождь»...

Проговорила и в результате — он, из Ямато «приду» ей сказал. В радости ждет она, но дни идут за днями и...

«Приду!» — ты сказал
О друг мой, и ночи проходят
Одна за другой...
А я все люблю
Того, кто так ненадежен!..»

Хоть и сказала так она, но кавалер перестал ходить совсем.

[Иса, XXII].

VI.

Во времена давние кавалер, придя к даме на одну только ночь, после этого ходить перестал, отчего родитель дамы был очень гневен. Один раз в гневе он схватил плетеную крышку от умывальника и отшвырнул ее прочь, а дама, в воде лоханки увидев свое лицо в слезах —

«Только я одна
Скорблю так сильно.
Других нет...
Так думала, а вот
Здесь под водою также...»

¹⁾ Обычно дамы той эпохи носили волосы, разделенные пробором на две стороны и распущенные по плечам, так что часть лица — особенно верхняя скрывалась ими. Теперь же, оставшаяся одна, дама, занявшись, повидимому, работой по хозяйству, для удобства подобрала волосы на голову, отчего ее лицо все целиком открылось и стало казаться, как будто бы длиннее.

²⁾ Гора в направлении провинции Ямато, обычно окутанная облаками.

Стихи сложила, и тот, переставший ходить кавалер, услышав их, ей в ответ:

«То верно я
Тебе виделся в водоеме...¹⁾
Лягушки — даже те
На дне под водою
Со мною в один голос плачут».

[Иса, XXVI].

VII.

Во времена давние кавалер повстречался с дамой, любившей очень любовь. Чувствовал ли он тревогу, только:

«Если то буду не я,
Не развязывай пажней шнуровки!
Хоть и будь ты вьюнком,
Цветочком, не ждущим
Вечерних теней».

И дама в ответ:

«Ту шнуровку, что вдвоем
Мы завязали вместе,
Одна до встречи
С тобою вряд ли
Смогу я развязать».

[Иса, XXXVI].

VIII.

Во времена давние жил кавалер. Ревнун сам ревнующую его даму, он:

«Пусть возможно
Нагромоздить раз десять
Ящ десятки,
Можно ль верить
Сердцу женщины?»

Проговорил, а та:

«Пусть будет,
Что росинки утра
Останутся и днем...
Но кто ж будет верить
Мужчины чувствам?»

¹⁾ Кавалер говорит здесь о водоеме, имел в виду умывальную лохань, упоминаемую выше. Такое сопоставление возможно в виду сходства водоемов в полях по форме с лоханью.

И кавалер снова:

«Пусть возможно, что вишен цветы,
Хоть ветер и дует,
Не осыплются с прошлого года.
Увы, трудно верить
Женскому сердцу».

А дама снова в ответ:

«Еще безнадежней,
Чем цифры писать
На текущей воде,
Любить человека,
Что не любит тебя».

[Иса, XLIX].

IX.

Во времена давние сердцем мир еще любившая, но очень пожилая дама все думала: «Ах, как бы мне познакомиться с этим чувствительным кавалером!» Однако, случаев удобных высказать ему свое желание все не было, и дама, своих трех сыновей созвав, как будто сон свой с намеком рассказала. Двое сыновей ответ ей дали, чувством не проникнув; третий же так сон ей разгадал: «сон приведет к тебе прекрасного кавалера». и дама пожилая вид имела очень довольный.

«Все прочие лишены чувства; вот как бы познакомить ее с тем кавалером — Дзаинго-Тюдзэ!» — у сына в мыслях было. Отправившись туда, где тот охотился, он его и встретил. Взяв лошадь под уздцы, сказал ему, в чем дело, и тот кавалер, сжалившись, пошел и лег на ложе с нею. Однако, после этого он перестал показываться, и пожилая дама, отправившись к его дому, стала смотреть сквозь щели ограды. Ее заприметив, кавалер сказал:

«До ста лет
Одного лишь не хватает!
Водоросли — кудри!
Облик этот предо мною,
Видно, из любви ко мне» ¹⁾.

Сказав, приказал оседлать себе коня и собрался уходить. Видя это, дама, не разбирая ничего — шиповников, терновников, — в смятеньи побежала к себе и, в дом придя, легла на ложе. Кавалер же тайком подсматривал, что эта дама делала, и вот видит, что она лежит и вздыхает:

«Значит, и сегодня ночью
Одна без милого я буду

¹⁾ Кавалер здесь делает вид, будто бы не подлинная дама перед ним, но ее призрак, — ее тень, которая следует за ним из-за любви к нему.

Лежать на узком ложе,
Лишь только подостлав
Одну одежду снизу?»¹⁾

Так проговорила она, и кавалеру стало жально; в эту ночь он лег с ней снова.

Вот пример того века: любил ли женщину или нет, но этот кавалер своим сердцем внешне различия не делал. [Иса, LXII].

X.

Во времена давние жил кавалер. Кавалер этот в провинцию Исэ²⁾ отправился «охотничьим послом»³⁾. Мать принцессы-жрицы, что была в Исэ, послала ей сказать: «Прими его получше, чем обычного посла». Так как это были слова родительницы, дочь приняла его радушно очень. Утром — отпустила на охоту, вечером — поместила у себя⁴⁾. И среди столь заботливого обращения они условились в свиданьи. В ночь на второй день кавалер во что бы то ни стало хотел свиданья, дама также против встречи не имела ничего. Но так как очень много было глаз вокруг, встретиться им не удалось.

Посол важный был кавалер, отчего дама и не положила его спать в отдаленном месте. Покои дамы также были недалеко, и вот она, дав затихнуть людям, в часу первом ночи отправилась к нему.

Кавалер также не спал еще, лежал, смотря за дверь, и видит при облачной луне фигуру женщины: пред ним предстала она, ведя вперед молодого отрока⁵⁾. Кавалер в восторге ввел ее в свою спальню, и там оставалась она от первого часа до третьего, когда к себе вернулась, так что тот не успел и сказать ей ничего. В сильной печали кавалер глаз не сомкнул и на утро, как ни волновалось сердце, послать ей от себя весть ему не при-

¹⁾ По обычаю того времени, в подобных случаях лежат, одежду одного подостлав под себя, одеждою другого закрывшись сверху.

²⁾ Название провинции в Центральной Японии, где сосредоточены знаменитые храмы общегосударственного культа религии Синто. В числе жрецов и жриц этих храмов бывали представители дарствующего дома.

³⁾ В описываемую эпоху довольно часто были посольства в различные провинции с целью как бы проведать места охоты и в то же время ознакомиться с образом действий местных правителей.

⁴⁾ Т. е. в своем дворце, тогда как обычно «охотничьи послы» останавливались в домах местных сановников.

⁵⁾ По обычаю знатных особ того времени передвижения даже в пределах одного и того же дома из комнат в комнату совершались в предшествии или сопровождении слуг, часто молодых мальчиков и девочек. На это указывается и в данном случае, при чем то обстоятельство, что здесь дело идет о тайном любовном свидании, повидимому, не смущает ни даму, ни кавалера.

стало ¹⁾, отчего в сильном беспокойстве он ждал вестей оттуда. Вскоре после того, как разведал совсем, от дамы — стихи одни — без слов:

«Пришел ли ты ко мне?
Иль я была с тобою?
Не знаю я...
То сон ли был, иль явь?
Сняла ли я, иль нет?»

Кавалер, слезами обливаясь, в ответ сложил...

«Во мраке сердца,
Сокрытого во тьме,
Блуждаю сам я..
И сон то был иль явь
Узнаем ввечеру!»

Такие стихи послал ей, а сам на охоту отправился. Хоть и бродил он по полям, но сердце было не здесь: все думал, как бы сегодня вечером, людей уложив, с ней поскорее встретиться, но правитель провинции той и в то же время глава всех храмов, прослышав, что посол охотничий здесь пребывает, всю ночь напролет с ним пировал, так что встретиться с принцессой не мог он, а на утро должен был уехать в провинцию Овари. Как ни проливали тайком от всех слезы горькие и дама, и кавалер, все ж свидеться им не пришлось.

Ночь, наконец, приблизилась к рассвету, и от дамы пришла чарка, на которой она написала стих:

«Вот это так река. —
Что пеший путник
Перешел и не вымок!..»

Так было написано, — конца же не было. На этой самой чарке, с обратной стороны, углем от факела он приписал конец строфы:

«Но будет он опять заставу
На «склоне встреч» переходить».

И как наступило утро, — отправился в провинцию Овари.

[Иса, I.XVIII].

¹⁾ Согласно традиции, в подобных случаях кавалер, после свидания с дамой, на утро обычно должен послать ей привет в виде стихотворения, — невыполнение чего часто грозит ему разрывом. Здесь кавалер был поставлен в затруднительное положение: с одной стороны, любовный кодекс и сердце предписывают, с другой же, обстоятельства таковы, что сделать это неудобно: она ведь священнослужительница, а он — случайный гость.

XI.

Во времена давние жил кавалер. Он был занят придворной службой, и к тому же сердце у него было неверное, отчего жена его и обратилась к человеку, который обещал ей: «Буду тебе верен!» и с ним вместе в провинцию уехала.

И вот, кавалер, отправившись послом к Уса-Хатимацу¹⁾, прослышал, что она теперь как раз женой чиновника в этой провинции, который должен был принимать послов. И он сказал ему: «Ты прикажи жене своей мне поднести чарку, иначе — пить не стану!» И когда та подала ему чарку, он, взяв на закуску померанец, так сказал:

«Когда я вдыхаю
Аромат померанцев,
Ожидających мая,
Чудится: прежней подруги
Рукавов аромат»²⁾.

И она, под влиянием мыслей возникших, постриглась в монахини и удалилась в горы.

[Иса, LIX].

XII.

Во времена давние жили кавалер и дама. Случилось как-то, что этот кавалер перестал быть с нею. Впоследствии у дамы появился кавалер другой, но так как у них ребенок оставался, то — хоть и коротко, — но все же от времени до времени он посылал ей весть от себя.

Дама умела писать картины, и вот прежний кавалер послал ей веер для разрисовки. Как раз в это время у нее был тот, кавалер другой, и она день или два не отсылала веер обратно, исполнив просьбу. И тот, первый кавалер, очень недовольный, послал сказать ей: «То, о чем тебя просил я, ты доселе еще не сделала! Я знаю, что, конечно, так быть и должно: но все же не могу не упрекать тебя!»

Время было — осень.

«Днем осенним
Так обычно
Забывать весенний день!
Верно осенью роса
Сильнее, чем весною дымка».

¹⁾ Уса-Хатимац — одно из божеств религии Синто; здесь имеется в виду храм его.

²⁾ По обычаю дам, особенно того времени, широкие рукава одежд бывали надушены.

Так сложил кавалер, а дама в ответ:

«Осеней тысячи пусть,
Но сравнивать можно ли их
С весною одной?
Однако — и клен, и цветы
Осыпаются равно».

[Иса. ХСН].

ХШ.

Во времена давние у одного не особенно благородного человека была в услужении одна женщина. В нее влюбился кавалер по имени Фудзиварано-Тосиюки, бывший тогда в чинах придворных. Дама эта наружностью своею была очень хороша, но, потому ли, что молода еще была она, только не искусна была в переписке и речей держать, как нужно, не умела, и уж, конечно, стихов не складывала вовсе. Поэтому хозяин ее писал черновики и давал ей переписывать, как будто от себя. И кавалер был в приятном заблуждении. И вот он так сложил:

«Тоскливо мечтаю,
И в мечтаниях этих
«Слез» все полнеет «река»...
Один лишь рукав увлажняю¹⁾,
Свиданья же нет!»

И в ответ, как всегда, вместо, самой дамы — хозяин:

«Ну и мелка же
«Река слез», если только
Один лишь рукав увлажняет!
Вот услышу: ты сам
По теченью несешься — поверю!»

Так сказал он, и кавалер, восхитившись превыше меры, уложил стихотворение в шкатулочку для писем и все с ним носился. Этот же кавалер уже после того, как с нею встретился, послал такое ей письмо: «уже готов к тебе итти я был, но вот собрался дождь полить. Смотрю и горюю... Если бы счастье было на моей стороне, этот дождь не пошел бы!» Так сказал он и, как всегда, сам хозяин, сложив вместо дамы стихи, дал ей послать:

«Глубоко ли любишь
Ты меня, иль нет,

¹⁾ Обычный в поэзии образ: японцы еще и теперь оттирают слезы рукавом одежды, так что «влажные рукава» — символ горя и слез.

Спросить мне трудно, — только
 Дождь, что меня знает,
 Льет все сильней».

Так сложил он ему и послал, и кавалер, не успев даже взять ни шляпы,
 ни плаща, насквозь промокнув, второпях прибежал.

[Иса. CVI].

XIV.

Во времена давние жил кавалер. Видно надоела ему дама, жившая
 в местности, носившей название «Густой травы», и он сложил ей стихи
 такие:

«Если я покину
 Тот дом, где прожил
 Столько лет, —
 Еще более «густой
 Травы» — он полем станет».

А дама в ответ:

«Если полем станет,
 Буду перепелкой
 Плакать я...
 Неужли на охоту
 Ты даже не придешь?»

Так сложила она, и кавалер, восхищенный, перестал и помышлять
 об уходе.

[Иса. CXXIII].

С японского перевел

Н. И. Конрад

